

Лея Алон (Гринберг)

Мелодии палитры

«Музыкант», еврейская народная песня,
из альбома: «Мелодия и Образ»

В сплетении мягких линий, чередовании света и тени виделись то очертания холмов, то ветви высокого дерева, то пробивающийся из земли росток. Казалось, воздух картины пронизан музыкой. Песня, которой Ителла Мастбаум посвятила свою иллюстрацию, так и называлась «Музыкант»:

*«Добрый день, господа! Вот и я, музыкант.
А вот и моя, скрипка.
Эй струны – деточки мои, быстрее, живее!»*

Неправда ли, все мы так начинаем. Сколько надежд, как горяч и нетерпелив ритм нашей жизни. Вот и наш музыкант, он совсем мальчик. Луч солнца падает на скрипку, на худенькую его фигурку. Он весь во власти музыки, лёгкий ветер поёт между ветвями деревьев и на вершине холма. Но детство не вечно. И как напоминание о торопливом беге жизни – лопнула первая струна... И уже перед нами не мальчик, но молодой человек, в его руках всё та же скрипка, и кажется, он парит с ней в воздухе. Есть в его облике что-то от птицы, разве только крыльев не хватает для полёта... Но проходит молодость – и скрипка с грустью напоминает об этом: лопнула ещё одна струна... И хочется вздохнуть: что поделаешь, годы не остановишь. Что-то неуловимое изменилось во всём облике скрипача, и нет уже ощущения полёта. *«Мечты еле-еле мерцают вдали, / А как ослепляли когда-то!»*

Всё меньше струн на его скрипке, всё ближе дыхание старости. Поседели чёрные кудри, и длинная борода – совсем белая. Опущена скрипка, лопнула последняя струна, как символ жизни, из которой медленно уходят силы.

Одна картина, и рассказ об одной жизни. Четыре образа, четыре этапа пути запечатлела художница: мальчик, молодой человек, зрелый муж, старик. И кажется мне, что ветер жизни несёт их по кругу и возвращает к началу: мальчик, молодой человек, зрелый муж, старик. И скрипка в самом центре картины. И вдруг я понимаю, почему меня так притянула эта картина: в ней грусть и мудрость «Коэлета». *«Поколение уходит, и поколение приходит, а земля пребывает вовеки... кружится, кружится, движется ветер, и возвращается на круги свои (ветер)»*. Годы уходят, но мы всё так же отдаём себя своей скрипке, пока не наступает тот горький час, когда рука уже не в силах удержать её. Но рождается новый музыкант, и скрипка оживает в его руках, подобно дереву, что только на время холодной осени осталось без листьев, но пришла весна, и оно, вернув себе листья и плоды, молодо вновь...

Это одна из десяти иллюстраций Ителлы Мастбаум к еврейским народным песням. На её картинах он жил, этот мир, в нём всё было в движении: и холмы, и птицы, и люди, и облака.

Пела мать, укачивая младенца, и синий вечер опускался над колыбелью ребёнка; плакал, сидя в высокой траве, пастушок, потерявший овечку; стоя за дверью в ночной час, парень умолял любимую впустить его; а над притихшими домами, над хороводом деревьев, подобно золотой паве, плыла девушка. Тяжкой была её доля в доме мужа – так в мечтах своих, преодолевая горы и доли, уносимся мы в поисках счастья. Он согрет любовью, этот оживший мир еврейского местечка, и пронизан лёгкой печалью, как всё, что уходит, не возвращаясь...

И всё же я вновь и вновь останавливалась у той, приглянувшейся мне иллюстрации с маленьким скрипачом и его скрипкой. Мне казалось: именно в этой картине Ителла Мастбаум выразила свои мысли о жизни, и они были сродни моим.

рисунок к обложке книги Лейн Алон
«И возрадется сердце вавиле», 1991

...Эту духовную близость с ней я впервые почувствовала много лет назад, ещё не познакомившись лично. Передо мной лежала уже готовая рукопись моей

будущей книги *«И возрадуется сердце ваше»*. Книга была названа словами пророка Йешаяһу, высеченными на одном из камней Стены Плача и предсказавшими, в самый тяжкий час нашей истории, возвращение на землю Эрец Исраэль. Наверное, тому, кто оказывался в подобной ситуации, знакомо волнение человека в ожидание выхода своей первой книги. Обложка – это последний камень в фундамент. Как важно, чтобы художник почувствовал дух книги, проникся им, оказался в чём-то твоим единомышленником. Мои друзья передали рукопись книги художнице Ителле Мастбаум, тогда новой репатриантке из Москвы, которую они, москвичи, хорошо знали. Через несколько дней я получила рисунок. Это было удивительное совпадение моего замысла и её иллюстрации. В рисунке, выполненном тушью и пером, было мало деталей, и оттого взгляд сразу задерживался на главном. Женщина, сидящая на камне, держит в руках книгу. А где-то сбоку, прямо на камне, растут два деревца. Как часто в своих израильских поездках я видела этот пейзаж. Горы, и у их основания одинокий куст. Деревья - на склонах холмов. Нередко корни пробивают камень, и дерево повисает на голом склоне. Колючки, которые не боятся жаркого солнца, и землю, лишённую влаги, чувствует своей. Тяжёлые складки женского платья будто сотканы из колосьев пшеницы, символе земли Эрец Исраэль. Тянутся вверх тонкие стебли кустарника. Листьями их играет ветер. И вот уже кажется, что это не листья, а птицы в полёте. И женщина с тоской провожает их взглядом, напоминая мне строки Хаима Нахмана Бялика: *«О, если бы крылья – взлетел бы туда я / Где зреют миндаль и олива! / Привет тебе, пташка! Привет, дорогая! / Опять прилетела ты с юга!..»*. Тогда я ещё не знала, что свой рисунок Ителла выполнила в Москве, до знакомства с рукописью моей книги. Рукой художника вела родовая память и тоска по этой земле. «Меня всегда тянули камни, травы и колючки. Я видела в своих снах и мечтах именно этот пейзаж», – позднее скажет мне Ителла.

Мягко и неожиданно переход от земли к небу, от камня, холма, дерева и травы к птицам, устремлённым ввысь. Ненавязчиво проводит она мысль о связи земли и неба. Камень и летящие птицы олицетворяют для неё землю и небо. И уже в этой первой увиденной мной работе проявили себя характерные для художницы черты: выразительность средств, лиризм в соединении с богатой фантазией, и глубокий духовный подтекст. Тогда, много лет назад, я познакомилась с Ителлой, но истинное узнавание происходило все эти годы.

Она приехала уже сложившимся оригинальным художником, участником многих выставок, оставившим свой след не только в живописи, но в станковой и книжной графике, в театре, но душа её раскрылась на этой земле, словно только и ждала своего часа. У каждого из нас есть это место: одно-единственное на свете, что проявляет его сполна, пробуждая скрытые силы души. Она очень ярко передавала воспоминание о своей первой встрече со Стеной Плача. «Когда я приникла к ней лбом, – рассказывала Ителла – мне почудилось, будто по какому-то невидимому каналу я прошла внутрь нашей истории. Вот наш праотец Авраам пасёт стада. По холмам разбежались овцы цвета окрестных камней, растут старые маслины с

причудливыми стволами, почерневшими от времени... Вдали голубеют горы, розовеет закат...»

Видение, 1991, лист из альбома: «У каждого свой Иерусалим»

Я узнаю его на акварели Ителлы, праотца Авраама, из видения, которое пришло к ней в минуты откровения. Он стоит на холме, старец с седой бородой и посохом в руке, стадо овец разбрелось по склону холма, напомнив мне привычный иудейский пейзаж, а вокруг разбросаны камни; пробивается лёгкая зелень. А небо – живёт. Плывёт облако, подобное огромному белому цветку, раскрывшему свои лепестки, облако – над городом, которого пока ещё нет, который только будет. Город и Храм. Он прячется где-то вдали, за туманом, как обещание, как намёк. «На третий день взглянул (Авраам) вдаль и увидел то место вдалеке. Увидел облако над горой и подумал: это то место, о котором говорил мне Всевышний». (Мидраш Берешит Раба 56:1).

Ителла работала тогда над альбомом о Иерусалиме. Сама того не осознавая, она готовилась к его выходу пятнадцать лет: собрала свои картины, написанные в разное время, и объединила одной темой: «У каждого свой Иерусалим». Это был Иерусалим всех тех, кто чувствует биение его сердца, осознаёт всю глубину его связи с нами, евреями: от царя Давида до наших дней. Но это был, прежде всего, Иерусалим Ителлы. Её песнь Иерусалиму, и в ней не было ни одной фальшивой ноты. Певцы и поэты на древних улицах, луч солнца, задержавшийся на камне, своеобразие иерусалимских дворишков... Улица пророков. Тени ложатся на каменные заборы, на узкие подворотни, на мощный тротуар как видения, явившиеся из прошлого. Реальность и мистика, древность и молодость вечного города. Рамот, в

котором дома то ли спускаются с гор, то ли тонут в тени деревьев, то ли горами возносятся ввысь... И строки Зинаиды Палвановой, передающие восторг души.

*Боже, поселиться бы в Рамоте
Птицей! И смотреть до самой тьмы
В долгом томно-розовом полёте
На холмы, на здешние холмы.*

Плывёт, подобно облаку, над городом мельница Монтефиоре. Свет солнца пробивается сквозь тучи. И тянутся к небу растрепавшиеся от ветра верхушки деревьев. Тонкие стволы их отражаются в лужах, удлиняя силуэт. И зонт над хрупкой женской фигурой дрожит, готовый улететь. И одинокая ворона, смешно вышагивает по воде, – как последний аккорд к осенней мелодии...

Сколько же нужно было прочесть псалмов, мидрашей, стихов, чтобы найти то единственное из них, что созвучно нарисованной ею картине...

Улица Пророков из альбома:
«Укаждого свой Иерусалим»

Мы уже были хорошо знакомы, часто беседовали друг с другом, и всё явственней проявлялось ощущение общности взглядов на мир, еврейство, Израиль. Я почувствовала подтверждение нашей духовной близости, когда именно меня попросили представить Ителлу на торжественной церемонии вручения ей Диплома лауреата премии «Олива Иерусалима» за созданием художественных произведений на еврейскую тему. Помню, она прислала мне свои воспоминания об отце – скульпторе Хаиме Мастбауме. Я читала их и невольно проводила параллель между своим и её детством. Она писала: «Когда я была маленькой девочкой, отец пел мне еврейские песни и рассказывал истории из Талмуда. Для меня это был сказочный мир, существовавший в рассказах отца, а реальность была совсем другой. Всё, что он рассказывал, пряталось глубоко внутри, сидело притаившись, потому что в мире, где мы жили, плохо было быть евреем»...

У её отца была любимая песня:

*Запрягайте, хлопцы, кони,
Кони вороные,
Мы поедem догонять
Годы молодые.*

Эту песню любила и моя мама. Помню, с какой грустью пела она:

*Юны годы, возвратитесь
К нам хотя бы в гости.*

Но с особой еврейской печалью звучал припев:

*Нет-нет-нет мы не пойдём,
Вы не заслужили.
Вы не заслужили.
Надо было почитать,
Когда мы вместе были.*

Они убегают от нас навсегда, наши годы, но подобно ветру, что возвращается на круги свои, приходит следующее поколение и продолжает прерванную мелодию.

После смерти отца, всё, что жило в душе Ителлы, притаившись, вырвалось наружу. Ей казалось, что всю свою любовь к источникам еврейской мудрости, народному творчеству отец передал ей.

По крупицам собирала Ителла еврейские народные песни, сказки, пословицы, шутки, поговорки. Одновременно учила идиш. В то время она работала над иллюстрациями в журнале «Советиш Геймланд» и встречалась с людьми, которые, как и её отец, чувствовали свою глубокую связь с еврейской культурой. Поэт и переводчик Лев Фрухтман дал ей свои переводы еврейских народных сказок. В творческом содружестве с композитором и поэтом Дмитрием Якиревичем, для которого идиш родной язык, родился альбом «Мелодия и образ». Дмитрий Якиревич ещё помнил колыбельные, под которые засыпал ребёнком. Пели ему их мама и бабушка. Этот альбом дань тому прекрасному, что каждый из нас уносит из своего еврейского дома, та память, что живёт в нашей душе, притаившись до поры до времени, чтобы потом напомнить о себе. Прерванная мелодия, которую каждое поколение продолжает по-своему. Альбом открывают слова Мордехая Гебиртика:

*Любезный скрипач, не сыграешь ли мне
Старинную песню о дальней стране?
Когда-то её напевала мне мать.
Ты можешь ли песенку эту сыграть?*

Десять прекрасно иллюстрированных народных еврейских песен в сопровождении нот звучат на идиш, иврите, русском, английском... Те самые картины, которые я однажды видела на выставке, теперь составили альбом «Мелодия и образ».

Она посвятила свою работу памяти родителей, и во вступительной статье рассказала о каждой из отобранных ею песен.

Однажды в утренний час мы встретились с Ителлой в маленьком зале одного из иерусалимских издательств, где проходила выставка её работ. Мы были одни и с нами – героини её литографий «Женщины ТАНАХа». И, глядя на картины, я вспоминала слова учителя Ителлы, заслуженного художника России Александра Дубинчика: *«Поэзия для неё состояние, в котором она живёт... Ителла Мастбаум человек любящий и чувствующий музыку. В безбрежном мире музыки она чутко улавливает национальные мелодии. Они близки ей и незримыми нитями связаны с тем, что она создаёт»*. Мне казалось: я слышу тихую мелодию, и она пробуждает память, связывая с прошлым этих мест. Ты узнавал их сразу: библейские образы, которые здесь, на этой земле, обретают реальную плоть. Триптих. «Рахель и Яков. Первая встреча». Я бы даже назвала эту литографию «Предчувствие», настолько точно психологически передано состояние их обоих. «Рахель и Лея. Сёстры». «Рахель и идолы». «Ривка и Элизер». «И сошла она к источнику и наполнила кувшин свой, и стала подниматься обратно. И побежал раб навстречу ей, и сказал: "Пожалуйста, дай мне глоток воды из кувшина твоего". И она сказала: "Пей, господин мой"... И ещё одна женская судьба: «Тамар и Иуда». Художница словно подсмотрела своих героинь в момент, когда они стоят перед выбором: «Моя ли это судьба? Ты ли это?»

«Есть такие темы, которые долго живут внутри меня, требуют выхода, стучатся, пока не нарисую их», – сказала мне Ителла. А я вспоминала строки Ицика Мангера художнику Арье Марзеру во Францию: «Получил оттиск твоих работ по металлу. От них исходит запах детских лет в городах и городках Восточной Европы, запах хедера, когда изучалось Пятикнижие. Ежедневно встречались мы с патриархами на узких улочках местечек. Даже в луне мы видели Йеёшуа-Бин-Нуна... Образы Пятикнижия ни на секунду не оставляли нас в реальности и во сне. Каждый по-своему доказывал и будет доказывать снова и снова, что мы ни на минуту не отказались от библейского в еврейском человеке, во всех поколениях и во все времена». Для того поколения верность библейской теме была естественна. Для нашего, оторванного ещё в младенчестве от «материнской груди», не успевшего ощутить вкус «материнского молока», обращение к библейской теме было чудом, которое лишь подтверждало необычность еврейской судьбы, наше постоянное возвращение к истокам.

Помню свой первый приезд в поселение Долев. Перед поездкой открыла я «Книгу Йеёшуа» и прочла о наделе Биньямина, в котором расположено поселение: «И вышел жребий колону сыновей Биньямина по семействам их. И вышла граница по жребию между сыновьями Иеёуды и сыновьями Йосефа». Свою верность

библейскому делению земли Ителла выражает в подписях к картинам: «Вечер в горах колена Биньямина. Закат». «Надел Биньямина» или просто «Биньямина».

Тогда, в тот первый мой приезд, они ещё жили в караване.

Долев, цветет миндаль, 1994
холст, масло, 35x50

Возле каравана цвели кактусы, ползли по земле тыквы, росли незнакомые мне высокие красные кусты с нежными цветами, и высокие ели охраняли крохотное это царство. Ителла выращивала сад на камнях. В Долеве она приобщилась к израильской природе: знает каждую травку и каждый цветок. Мы гуляли по поселению, и Ителла рассказывала: *«В природе всё очень торопится плодоносить. С февраля до начала мая, пока есть дожди, дикие растения должны вырасти, зацвести и дать плоды... Я люблю наблюдать и рисовать травы, цветы, деревья...»* От неё я узнала, что долев – дерево из семейства платанов, у него, также как у клёна, желтеют и опадают листья. Была в Ителле какая-то располагающая мягкость. Её грудной смех невольно заражал и тебя, но порою она уходила в себя и становилась задумчивой. Она любила поселение, чувствовала свою близость с людьми, окружавшими её. Долев оживает в акварелях, полных лиризма и поэзии. Голубеют горы, розовеет закат. Уходит день, и горы меняют цвет. Ели и сосны под тем же голубеющим небом. Её картины хранятся во многих частных коллекциях далеко за пределами Израиля. Но Долев, с его красками, изменчивостью цветов, зеленью оживает не только в рисунках, но и в сказках, новеллах, которые пишет Ителла. *«Когда тучи садятся на гору Долев, дома, деревья, кусты и цветы погружаются в туман, становятся таинственными и прозрачными. Мерцающие шары огня возникают то тут, то там, и звуки падающих капель создают ощущение переищёптывания и тихого переговаривания. Видно, как тучи бегут сквозь предметы, обнимают, увлекают, и ты чувствуешь себя частью этого таинства, этого действия, этой красоты. Тайны разлиты вокруг, они приглашают к игре, чудачествам, и вспоминается "Сон в летнюю ночь" Шекспира, где явь и сказка переплелись в игре и*

дурачествах, и уже не знаешь, где что. Да и зачем знать? Пусть везде будет сказка...»

Когда я читаю эти строки, вижу совсем другую Ителлу. Словно передо мной весёлая маленькая девочка, которая любит сказки, рисует их, рассказывает, играет в них, умеет перевести серьёзное в шутку. Так она расписывала в Долеве стены школы, которая была в караванах, словно сказочник, дарящий детям весёлую и назидательную сказку, словно мудрец, рассказывающий притчу. Вот какая-то фантастическая птица на её рисунке, то ли у неё хвост павлина, то ли ветви деревьев, и в них, как в лесной чаще, сокрыто множество тайн. Ителле близок мир сказки, она создавала театральные декорации и костюмы к сказкам Г.Х. Андерсена, Е. Шварца, И. Друце. Однажды Ителла рассказывала мне, как собирала перья павлина: он сбрасывал, а она собирала. Это было на фестивале музыки в Кфар Блум. Я слушала её и смеялась вместе с ней, представляя, как торжественно вышагивает павлин, и как падают длинные, яркие, похожие на радугу, перья, и Ителла следует за ним и осторожно подбирает их. И было в них то самое удивительное сочетание цветов, которое создаёт только природа... Кто знает, может быть, эти перья подсказали ей что-то в серии о музыке, которая рождалась тогда. Я вновь и вновь возвращаюсь к этим листам. Всё в них дышит, движется, поёт... Картины словно наполнены воздухом: «Квартет», «Арфа», «Соло», «Пианистка»... Будто не кистью водила рука, а тем самым павлиньим пером: такая во всём лёгкость, столько света, и музыки.

Когда Александр Дубинчик писал о своей ученице, он подчеркнул, что в живописи ведущие для неё жанры – натюрморт и портрет. Ителла вспоминает, как увлеклась техникой старых мастеров и стала писать маслом. Её цветовая гамма была тёмной, свойственной голландской живописи. Теперь её работы в другом колорите. Они стали светлее. *«Я не изменилась, изменилось видение света. Я осталась сама собой, я отношу себя к реалистической школе, но меня притягивает и сюрреализм. Мои любимые художники Рембрандт и Сезан».*

Я люблю её автопортрет, написанный маслом. Когда я смотрю на него, мне кажется, будто Ителла стоит в освещении лунного света. Свет на тяжёлом бархате платья, на её руке, прикрытой летящим шёлком голубовато-зелёного шарфа. Светится в темноте лицо, провожает тебя мерцающий, сосредоточенный взгляд глубоких и печальных глаз. И тонкие веточки, едва касающиеся руки, подобны узору на заиндевавшем от мороза окне. И я вспоминаю её слова о самой себе: *«Жизнь моя состоит из постоянных изменений. То радость северным сиянием опускается на сердце, то грусть и тоска окутывают и долго не отпускают».*

Портрет был написан в Москве. По-видимому, в тот период, когда она увлекалась техникой старых мастеров, но в нём – проявление её творческой самобытности, фантазии, лиричности.

Есть у Ителлы новелла «Портрет». Она пишет: *«Я нарисовала много портретов с натуры, но по фотографии лишь один – Яира Мендельсона. Его убили арабы, когда он ехал с работы домой, где его ждала молодая жена и трое маленьких детей».*

Я сделала портрет по велению Свыше и по велению сердца. Он рисовался легко, как бы сам собой, и Яир на портрете жил и смотрел на нас, окружённый одуванчиками.

– Что есть жизнь? – сказала задумчиво Мики, вдова Яира, глядя на портрет, – дунет кто-то и её нет...

Я видела портрет, о котором пишет Ителла, и не могу забыть его. Яир смотрел на меня чуть удивлёнными глазами из-под очков, рыжие густые ниспадающие на лоб волосы, как у задиристого веселого мальчишки, усы, распахнутый ворот рубахи, нежный зеленоватый фон, и одуванчики подобно лёгким солнечным бликам... Как далёк этот портрет от прежней техники, в которой работала Ителлы. Тот, кто много лет знаком с ней и следит за её творчеством, знает, как неожиданны её замыслы. Порой мне хочется сравнить их с озарением. Но озарение не приходит вдруг. Душа, сама того не ощущая, готовится к нему, к этому мгновению. И оно свершается. Вспоминаю слова Сент-Экзюпери: «Жить – значит медленно рождаться. Было бы чудесно брать уже готовые души».

...Мой приезд в Долев совпал с началом интифады. Я возвращалась в Иерусалим поздно вечером. Ителла и Феликс, провожая, уговаривали остаться до утра, но я не согласилась. В автобусе, кроме водителя, нас было двое: я и солдат, сопровождающий. Когда мы проезжали арабскую деревню, раздались выстрелы, потом в переднее окно попал камень, стекло пошло кругами, как вода, когда в неё бросают камень. Солдат выскочил из автобуса, пытаясь определить, кто стрелял. Мы стояли во тьме в центре арабской деревни и ждали, когда вернётся наш сопровождающий...

Начиналась интифада. К ним в Долев она уже пришла. Ителла испытывала чувство незнакомой прежде тревоги. Так на глазах человека тяжёлые черные тучи заволакивают небосвод, вот-вот разразится гроза, и негде укрыться, некуда бежать. Ей виделись не то птицы, не то люди, похожие на птиц, сбившиеся в стайки, ищущие укрытие от надвигающейся беды. Она начала рисовать. Рождалась серия графических листов на бумаге ручной работы, написанных цветной тушью «Между миром и войной», серия которая проявила новую грань её таланта.

– Вы ведь поэт и лирик, а ваш альбом, если перевести на язык литературы, – публицистика, – говорю я.

– Во мне всё время живёт ощущение трагизма. Мне казалось: если я нарисую всё страшное, что должно случиться, то реализовавшись в рисунке, оно как бы исчерпает себя и пройдёт стороной... Я понимаю насколько всё это наивно, но это чувство вело меня.

«Чужак»

«Жизнь над бездной»

« Молитва о мире и дожде»

Листы из Альбома «Между миром и войной», 2002

Она рисовала день и ночь, создав символический мир, в центре которого – бескрылые птицы. Они напоминают людей, эти птицы без крыльев, людей, которым не дано взлететь, оторваться от земли. И только взгляд их обращён к небу. И кусок рыжей земли их единственное место на свете. Здесь их дом, их земля, их небо. «Смотрите, Я дал вам эту землю; идите и наследуйте землю эту...» Эти птицы явились в её видениях ещё в Москве, но в поселении Долев они будто вновь «прилетели» к ней, напомнив средневековую «Пасхальную Птичью Агаду» 1300 года, хранящуюся в Музее искусств в Иерусалиме. Вот они, сбились в тревоге в стаю, большие и маленькие, совсем беззащитные. Поникли их головы, печален взгляд. Только бы не смотреть правде в глаза и не видеть приближающуюся опасность – чудовище, символизирующее силы зла и агрессии. Слова из «Плача Ирмеяфу» удивительно точно дополняют картину: «Извне губит меч, в доме – подобие смерти».

Как рефрен в песне, повторяются детали: дерево, дом, колючки, камень. Когда смотришь на рыжую землю, рыжие кусты и камни, кажется, что это вспыхнувшее от ветра пламя. Цвет тревоги, напряжённости, беспокойства. Каким оно может быть разным одно и тоже дерево: вот оно с пышной, дарящей тень кроной, и они собрались вокруг него, как на пикник, но вот оно же, словно наделённое внутренней злой силой, выпускает шипы и колючки, пронизывающие тела. Лист назван словами: «Танец вокруг дерева смерти». Всё это уже было. Нам постоянно обо всём напоминают Тора, Талмуд и другие наши источники. Мы живём между миром и войной. Она должна показать, как мы, околдованные словом «Мир», незаметно приближаемся к бездне. И вновь всё то же дерево, оно постарело, как стареет человек; у него тяжёлый мощный ствол, и крона, в которой птицы ищут своё последнее убежище. А вокруг – разверзшаяся бездна. «Объяли воды меня до души, бездна окружила меня...» (Иона 2-6). И кажется, ты проходишь с ними, этими птицеголовыми существами, весь их путь. Двенадцать листов так много вместили в себя, так много смогли выразить... И вот уже, очертив вокруг себя круг, молит Хония-ха Меагель о милосердии для народа: «Клянусь Великим Именем Твоим, что не сойду с места, пока Ты не явишь Милосердие к Твоим сыновьям». (Вавилонский

Талмуд, трактат Таанит 19 а.) Жизнь продолжается. И ты понимаешь: художник показал вечность народа, живущего между миром и войной...

Эпиграфом к альбому Ителла Мастбаум предпослала слова Е. Баратынского: «Дарование есть поручение. Должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия».

Иллюстрация к стих. Осипа Мандельштама: «Как подарок запоздалый...»

Три художественных альбома и удивительная книга, задуманная и оформленная Ителлой «Осип Мандельштам "Времена года в жизни и поэзии"», родились на моих глазах. Они плод многолетнего содружества художника с Леонидом Юнивергом, работы которого отличают высокая интеллигентность, прекрасное знание издательского дела. Они очень разные по замыслу, эти альбомы: «Мелодия и образ», «У каждого свой Иерусалим», «Между миром и войной».

Вот они передо мной, на моём письменном столе. Подобно распахнутым воротам, обложка вводит меня в мир каждого из них с его музыкой, раздумьем, тревогой, надеждой. Но всё это один мир – мир художника Ителлы Мастбаум. И в нём – начало и продолжение: от праотца Авраама, до наших дней. В нём царь Давид слагал свои гимны Иерусалиму, и мы, любясь сегодня его необычной красотой, воспеваем этот город в поэзии и прозе... Прошлое и настоящее соединились в портретах, акварелях, натюрмортах, и составила единая мелодия. Это наш путь к Земле Обетованной, наша по ней тоска, наше к ней возвращение. Мы проходим через боль и страдание, живём между миром и войной, порою висим над бездной... Но, подобно птицам, возвращаемся после разлуки, чтобы чувствовать свою землю, видеть вечные горы, восход и закат солнца над ними. Как почувствовала и воспела их художник Ителла Мастбаум.